

Ханойское высокомерие

Ким сыграл ва-банк, а Трамп отправился восвояси – американо-северокорейский саммит стал абсолютным провалом. Что дальше?

Читайте эту статью на немецком / английском языке

В своей [<link regiony azija statja show novaja-diplomaticeskaja-odisseja-727>](#) обзорной статье накануне Ханойского саммита я писал по поводу американо-северокорейской ядерной дипломатии, что текущий процесс несет в себе как риск провала, так и риск заключить неудачные сделки в ходе переговоров. Ирония в том, что попытка американского президента Дональда Трампа избежать второго сценария привела в итоге к первому, так как он вышел из переговоров в Ханое, по всей видимости, из-за чрезмерных требований по смягчению санкционного режима, озвученных северокорейским лидером Ким Чен Ыном. Как следствие, завершившийся саммит не дал на выходе ни совместного заявления, ни общего определения для ядерного разоружения, ни дорожной карты, которая была бы основана на компромиссе и вела бы в направлении ядерного разоружения, а также никакого прогресса в отношении расплывчатых обязательств Сингапурской декларации 2018 года.

Во многих дискуссиях по итогам Ханойского саммита была предпринята попытка преподнести этот провал как успех. Звучали аргументы, что отсутствие сделки – это лучше, чем плохая сделка, что Трамп и Ким расстались на дружеской ноте, что команды переговорщиков Вашингтона и Пхеньяна по-прежнему выражают желание вести переговоры, или что обе стороны лишь немного не дотянули до финишной черты. Это подозрительно. Ханойский саммит из-за высокомерности и плохой подготовки стал абсолютным провалом. Главный вопрос заключается теперь в следующем: как мы дошли до такой ситуации, что она означает и чего нам ожидать в будущем?

Икар воспарил слишком близко к солнцу

Создавалось впечатление, что в преддверии Ханоя рабочие переговоры были сконцентрированы на самых разных элементах (меры по укреплению доверия, снятие санкций, частичный демонтаж ядерных объектов и т.д.), сочетание которых в перспективе могло бы обеспечить скромную сделку. Но Ким, вероятно, сразу же озвучил крупное требование: масштабное аннулирование международных санкций, в особенности секторальных и индивидуальных, введенных в 2016-2017 годах.

Даже если отложить сложные комплексные вопросы, уступки Северной Кореи – демонтаж материальной базы для производства плутония и обогащения урана на ядерном комплексе в Йонбёне с обеспечением надлежащего контроля за этим процессом – были ничем в глазах Соединенных Штатов. И это неудивительно. Неспособность достичь соглашения по существенным темам проистекает из фундаментальной природы результатов Сингапурского саммита 2018 года, а также из отсутствия прогресса на рабочем уровне до января 2019 года. Но когда масштабы разрыва между позициями США и Северной Кореи проявляются в рамках саммита с участием глав государств, это повергает в шок.

Это является прямым следствием одного из изъянов в американо-северокорейской ядерной дипломатии: Пхеньян затягивал переговоры на рабочем уровне, делая ставку на способность Кима переиграть Трампа и склонить того к неудачной сделке во время саммита. В этом отношении примечательны два обстоятельства.

В ходе переговоров накануне саммита американские дипломаты продемонстрировали неспособность к ликвидации существующего разрыва между позициями США и Северной Кореи.

Во-первых, стратегия Северной Кореи, отдающая предпочтение саммитам, а не переговорам на рабочем уровне, не обязательно предполагает максималистское требование Кима по поводу санкций. Были в наличии более низкие уровни дорогостоящих требований, которые бы не торпедировали саммит. Так почему же Северная Корея сделала такое дерзкое предложение, которое с большой вероятностью могло спровоцировать Трампа на реакцию в стиле балансирования на грани войны во время переговоров? (Если следовать терминологии самого Трампа из его книги «Искусство заключать сделки».) Возможно, это был легкомысленный просчет, что политические проблемы Трампа и его желание добиться победы

на международной арене подтолкнет его к заключению невыгодной сделки. Вероятно, Ким отдавал себе отчет в том, что максималистские требования несут в себе риск провала саммита, и он оценивал этот риск как приемлемый.

Логика вышеописанного сводится к тому, что если Трамп дает согласие, то это стало бы еще одной победой для Северной Кореи; если же нет, тогда любой вариант провального саммита становится функциональным эквивалентом для продолжения обкатанного процесса дипломатических проволочек, когда время играет на руку не администрации Трампа, а Пхеньяну, который продолжит расширять свой ядерный арсенал и укрепит свой потенциальный статус как ядерного государства де-факто. Нынешняя тактика Северной Кореи по ведению переговоров на саммите засвидетельствовала как нехватку серьезного отношения к делу, так и дефицит честных намерений, и у Трампа есть повод для беспокойства, даже если он утверждает противоположное.

Во-вторых, ответственность за провал саммита лежит в том числе и на американской стороне. В ходе его подготовки американские дипломаты продемонстрировали неспособность к ликвидации существующего разрыва между позициями США и Северной Кореи. И действительно, Вашингтон и Пхеньян были достаточно далеки от того, чтобы в преддверии саммита хоть в какой-то форме приблизиться к завершению работы над проектом совместного заявления. Прозвучавшее после саммита утверждение государственного секретаря Помпео о том, что США и Северная Корея были «близки» к соглашению, стало попыткой сохранить лицо – дипломаты не прекращают переговоров, если они близки к их завершению. Как раз накануне саммита многочисленные заявления американской стороны имели своей целью снизить ожидания от Ханоя, а потому США следовало бы отложить саммит до того момента, пока не будет достигнут более ощутимый прогресс и у Кима будет меньше возможностей для импровизации на разных фундаментальных вопросах, в том числе и о санкциях.

Американским дипломатам стоило также предвидеть (принимая во внимание повторяющиеся заявления из северокорейских СМИ), что фокус внимания Северной Кореи будет сосредоточен на значительном откате санкционных ограничений, а если США не желали достигать компромисса в этой сфере, то Ханойский саммит стоило отложить. В конечном итоге дипломатической разведке тоже стоило поддержать перенос саммита, если у них были основания полагать, что Ким не склонен проявлять гибкость в своих максималистских требованиях. А если дипломатическая разведка не

предугадала эту возможность, то это тоже провал.

Интерпретация провала и возрождение из пепла

Ханойский провал демонстрирует в первую очередь узкие рамки американо-северокорейской дипломатии на саммите при отсутствии надлежащей подготовки на рабочем уровне. Это стало ценным уроком, ведь провал на уровне лидеров государств усложнил возврат к переговорам на рабочем уровне. Более того, если – как это имело место до текущего момента – Трамп и Ким не позволят своим представителям в рабочих группах пойти на значительные уступки, то любые дальнейшие предварительные соглашения рискуют отправиться в утиль из-за вмешательства лидеров в ручной режиме.

Тот факт, что фокус внимания Кима в Ханое был сосредоточен на откате санкционных ограничений, свидетельствует о том, что его беспокоят экономические перспективы Северной Кореи. Это означает, что санкции продолжают оставаться для Вашингтона тем рычагом, который может заставить Пхеньян вернуться за стол переговоров.

Кроме того, авантюрный и жесткий подход Северной Кореи к переговорам на саммите в очередной раз четко дает понять, что эта страна не намерена отказываться от всей своей программы по созданию ядерного оружия и от всего своего ядерного арсенала. Будучи ядерным государством де-факто, Северная Корея не подпадает под действие положений о нераспространении ядерного оружия, но вместе с тем она представляет собой проблему, для которой нужно искать скорее не решение, а способ управления. С этой целью современное международное сообщество должно наработать стратегии – от сдерживания до контроля над вооружениями.

Ну и что теперь? Главная хорошая новость сводится к тому, что Северная Корея заверила США в том, что она продлит добровольно взятый на себя мораторий на проведение ядерных и ракетных испытаний, в то время как США и Южная Корея намерены продлить временное прекращение совместных военных учений и уменьшить их масштабы.

Главной плохой новостью является то, что теперь сложно определить источник, который в будущем может стать импульсом для содержательных ядерных переговоров на рабочем уровне между

Вашингтоном и Пхеньяном. После саммита обе стороны заявили о том, что они не торопятся вернуться к переговорному процессу, – Северная Корея прямо сейчас занята производством еще большего количества расщепляющих материалов и ракет.

Очевидной возможностью породить необходимую дипломатическую искру обладает южнокорейский президент Мун Чжэ Ин. Он сыграл схожую роль, когда возникла угроза срыва Сингапурского саммита. Однако позиции Муна ослаблены экономическим спадом, хаотическими действиями его администрации и падающими политическими рейтингами – и ханойское фиаско еще больше усугубило это положение. И при этом лица, которые станут определять политический курс Вашингтона после Ханойского саммита, будут более скептически относиться к заявлениям Муна по поводу того, что Северная Корея готова вести переговоры с честными намерениями. Муну придется проявить осмотрительность, чтобы переоценкой своих возможностей не спровоцировать разногласия между США и Южной Кореей.

Снятие некоторых санкций может теоретически побудить Северную Корею вернуться к переговорам по ядерному разоружению, но пока нет никаких признаков того, что Ким натерпелся достаточно и будет податлив к воздействию такого рода. Важную роль в этой связи будет играть Китай, так как ослабление санкционного режима вполне может удерживать на плаву экономику Северной Кореи в течение неопределенно долгого периода времени. В какой-то момент Ким, возможно, посчитает выгодным для себя вернуться к переговорному процессу, но он склонен делать это только в том случае, когда он ощущает рычаг влияния в своих руках. Что касается Вашингтона, то тут ключевой вопрос сводится к тому, утратил ли Трамп интерес к северокорейскому досье – на фоне других его приоритетов во внешней политике и политических потрясений внутри страны. Еще один ключевой вопрос заключается в том, кто будет иметь больше влияния на мнение Трампа в отношении Северной Кореи: сторонники переговорного процесса, такие как специальный представитель США по Северной Корее Стивен Биган, или приверженцы жесткой линии, такие как советник президента США по национальной безопасности Джон Болтон. Если первые, то существует вероятность перезапуска переговорного процесса после некоторого периода охлаждения в отношениях; если вторые, то не стоит исключать, что американо-северокорейская дипломатия канет в Лету. В конечном итоге бесспорным является только одно: ситуация запутана до предела.

Мейсон Ричи
Сеул

Мейсон Ричи (Mason Richey) – профессор международной политики
Университета иностранных языков Хангук в Сеуле.